

ВАЛЕНТИН ТАРАСЕНКО,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины, профессор кафедры теории и истории социологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко

Научный интеллект социологии

Abstract

The article explores the scientific intellect of sociology, as well as analyses its structural and functional content. The author has paid special attention to the interrelation between social and sociological ways of thinking.

Становление и развитие социологии являло собой определенную интеллектуальную историю, в ходе которой она частично заимствовала, частично вырабатывала свой умственный потенциал (интеллект), благодаря которому встала вровень с другими научными дисциплинами. Он помог ей создать собственную теоретическую реальность — систему идеальных объектов, когнитивных средств, достигших высокого гносеологического статуса, а также разработать соответствующие методы познания социального мира, исследовательские технологии и практики. Опираясь на свой научный потенциал, социология вошла в сферу духовного производства как самостоятельный продуцент знаний, ценностных идеологий, прикладных социотехнологий и социоинженерий.

Однако следует сразу же заметить, что выражение “научный интеллект социологии” — метафорично и не должно пониматься в своем непосредственном значении. Прямой его смысл должен быть отнесен не к социологии, а к ее созидателям — социологам, поскольку именно они обладают научным интеллектом, который и сообщают своей науке. Только отсюда вытекает правомерность употребления термина “научный интеллект социологии”, что и требует всегда держать “в уме” его фигуральный смысл.

Итак, научный интеллект социологии — это профессиональный интеллект ученых-социологов, представляющий собой определенное единство их творческого мышления, интуиции и воображения и не могущий быть приобретенным, проявленным и продуктивно реализованным без социологии в качестве общего полигона его применения и развития, а также сообщества социологов как прямого носителя интеллекта, правда, в его совокупной (коллективной) форме. Именно совокупный интеллект присущ научному социологическому сообществу, которое, исторически эволюционируя, соответственно изменяет и свой умственный потенциал, причем не всегда наращивая его и увеличивая творческую эффективность.

Следует помнить также и то, что научный интеллект социологии вначале вырабатывался не ее собственными специалистами, а представителями других наук, которые в процессе познавательной-исследовательской практики постепенно сами становились первосоциологами, развивая в себе способность к особому образу (способу) мышления — социологическому. Они заложили фундаментальные основания интеллектуальной базы социологии как неклассической науки, которые не только цементируют социологию, оберегая ее от распада (когда действуют глубоко дифференцированные центробежные тенденции), но и выступают средством самоидентификации социологии, задавая общий критерий социологичности новейших моделей ее мышления.

Разумеется, приведенная дефиниция научного интеллекта социологии — лишь исходный момент в сложном процессе его определения. Чтобы предметно характеризовать это образование, следует исследовать его, по крайней мере, с нескольких сторон: 1) исторический “срез” — становление, развитие, функционирование в конкретно-исторических формах; 2) структура, функции; 3) эффективность (главные научные проблемы, решаемые социологией на том или ином этапе своего становления и развития); 4) отношение к индивидуальному интеллекту, особенно таких его носителей, как социологи-классики, социологи-лидеры, полагающие умственные эпохи в социологии и демонстрирующие эталонные стили социологического мышления и воображения; 5) современное состояние (изменение, трансформация, модернизация).

Ясно, что речь должна идти о целой исследовательской программе, посвященной изучению научного интеллекта социологии. Возможно, когда-нибудь она появится и будет осуществлена, а в данной статье можно осветить только некоторые вопросы затронутой проблемы. Представляется, что первым шагом в этом направлении должен быть общий очерк научного интеллекта социологии как некоей ее функциональной структуры.

Структурно-функциональная характеристика научного интеллекта социологии

Интеллект социологии могут изучать разные науки: философия, гносеология, эпистемология¹, психология, кибернетика, логика, а также сама со-

¹ Базовое различие между гносеологией и эпистемологией усматривается в том, что первая абстрагируется от социокультурного, исторического и социального аспектов познания, тогда как вторая, включая в себя и гносеологию, рассматривает процессы познания именно во всех этих аспектах [1, с. 6–7].

циология. Обладая способностью не только к рефлексии, но и саморефлексии, социология может создавать знания как о чем-то, так и о себе самой, в том числе и о собственной интеллектуальной сфере. Последняя опосредует познавательный процесс в социологии, “пропускает” его через себя, определяя общий уровень умственного состояния данной науки, “потолки” (высоты) теоретизирования в ней, мозаику концептуализаций и способы понимания исследуемых реалий.

Интеллект является рациональной частью творческого сознания и самосознания социологии, в котором чувственно-наглядный компонент весьма ограничен, поскольку эмпирически описывать социальную реальность социологии не дано. Конструируя гипотетический образ этой реальности, она может предложить только интеллектуально-понятийную (“теоретическую”) его версию. Со своей стороны, социальные явления и процессы, в силу латентной природы, не могут выступать в познавательном поле социологии как непосредственно эмпирические объекты. Все это программирует социологию как высокоинтеллектуальную, строго рациональную науку. В то же время имеется у нее и нерационалистическая детерминация, явная и неявная, но такого же атрибутивного характера, как и первая. Речь о том, что социологический рационализм — двоякого рода, ибо он покоится на двух главных источниках: гносеологическом и социокультурном (ценностном), под которыми в конечном счете кроется практика реальной жизни, определяющая прежде всего онтологический статус социолога как в жизненном (социальном), так и в познавательном процессе. Гносеологический же статус он приобретает вследствие прямого участия в познавательно-исследовательской деятельности. Так в общем возникает система принуждения социолога к мысли, научному мышлению, подчиняющемуся логике, требованиям познания и практики. Но воздействует эта система на социолога не непосредственно, а через проблемы, существующие в обществе и осознающиеся как научные проблемы социологии. Отсюда социолог, как и любой другой ученый, мыслит научно только тогда, когда с помощью когнитивного аппарата разрабатывает и решает эти проблемы. За пределами же познавательно-исследовательской деятельности социолог — обычный человек и мыслит, как обычный человек. Но по причине двойственной детерминации (двумя статусами) профессиональной деятельности социолога как ученого в социологии не существует “чистого” ни социального, ни социологического мышления, наподобие, скажем, мышления математического или физического, обусловленных только одним статусом ученого — гносеологическим. И социальное, и социологическое мышление всегда тронуты социокультурным, социоценностным, идеологическим “налетом”, чего социолог может и не осознавать.

Такое состояние его самосознания может в некоторой степени определяться тем, что в социологии до сих пор не существует научной концепции социолога. Следовательно, самой социологии он не известен. Ясно, что в таком случае социолог может себя рационально тоже не знать, поскольку он ощущает себя субъективно, интуитивно и стихийно, в зависимости от ситуации.

Гносеологический рационализм основывается на принципах и правилах логики познания, причем чем точнее и полнее познающий субъект реализует эти принципы и правила, тем рациональнее будет полученное знание. Это есть научный рационализм, концентрирующийся в понятийно-те-

оретической системе социологии и выражаемый ею. Социокультурный рационализм — это рационализм того вида культуры, в пределах и на основе которой осуществляется социальное или социологическое познание. Это — оценочный рационализм, признаваемый таковым с позиции ценностей, норм и нормативов, в которых заложен социальный опыт этноса, создавшего данную культуру как особый вид символических значений. Данный тип рационализма — наукоподобный, но вполне может быть практическим. Проникая друг в друга и соединяясь, эти две формы рационализма — научный и социокультурный — обуславливают ту или иную модель социального разума, одной из разновидностей которого выступает разум социологический.

Однако надо иметь в виду, что последний исторически является элементом не только социального разума, следовательно, и социального мышления в целом, но и мышления социологического, сочетаясь с другим его элементом — здравомыслием (рассудком). Следовательно, социологическое мышление представляет собой единство социального рассудка и разума, различающихся прежде всего функционально, а потому и продуктами своей деятельности. Какие же функции в научном интеллекте социологии и в познании исполняют рассудок и разум? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории изучения человеческого мышления.

Как известно из истории философии, впервые изучал мышление как рассуждение и как способ получения знаний о мире Аристотель (“О душе”). Он наделил душу человека ощущением и мышлением, которое, по его мнению, “соединяет представления” и в этом соединении может допускать ошибки. В мышлении Аристотель выделил особый элемент — ум как способность души правильно рассуждать согласно логическим правилам, которые он как логик выделил. В этом плане мышление есть рассуждение по правилам, то есть здравомыслие. Ум мыслит “фантазмами” (общими предметами ощущений), но у него нет связи с телом [2, с. 189–193].

В средневековую эпоху продолжалось изучение мышления, задачи которого, однако, усматривались в ином — познании Бога. Вносились изменения и в понимание структуры мышления как интеллектуального процесса. “Главным теперь становилось не познание областей бытия и упорядочение рассуждений по их поводу, — отмечает российский исследователь истории методологии В.Розин, — а, во-первых, критика на основе христианских представлений античных способов объяснения и понимания мира и человека, во-вторых, уяснение и объяснение новой реальности, проявляющейся, встающей при чтении Слова, переданного Богом и апостолами в текстах Священного Писания. Обе эти задачи можно было решить только на основе мышления и потому, что формирующийся средневековый человек перенимает от античности привычку рассуждать и мыслить, а также потому, что новая реальность хотя и выглядела привлекательной и желанной, но одновременно была достаточно непонятной. Что собой представляет Бог, как он мог из ничего создать мир и человека, почему он сразу и Святой Дух, и Отец, и Сын, как Бог воплотился в человека Христа и что собой Христос являл — Бога, человека или их симбиоз, как понимать, что Христос воскрес — эти и многие другие сходные проблемы требовали своего разрешения в сфере мысли” [3, с. 149–150].

Тем не менее эта интеллектуальная раздвоенность сознания средневекового человека побуждала тогдашних мыслителей не только решать новые задачи мышления, но и в самом мышлении искать качественно разнородные структуры, уровни, связывая его с Богом, верой, субстанцией, сущностью и т. п. Например, Боэций высший уровень мышления “отдавал” разуму, низший — рассудку. Но в то историческое время наиболее основательно эту проблему разрабатывал Николай из Кузы, который выделил основные познавательные функции и рассудка, и разума. Он утверждал: “Именно рассудок движется вокруг вещей, подпадающих под ощущение, и производит их различение, так что в рассудке нет ничего, чего раньше не было бы в ощущении. Так он дает наименования в рациональном стремлении дать одно имя одной вещи и другое — другой” [4, с.392]. Следовательно, рассудок, по Николаю Кузанскому, имеет дело с вещами через ощущения. А разум (ум)?

Он выше рассудка и внедрен в тело человека Богом, но ум человеческий принципиально отличается от ума божественного, выступая только его уподоблением, или образом. “Мышление для божественного ума, — разъяснял Кузанец, — оказывается творчеством вещей; мышление для нашего ума оказывается понятием о вещи. Если ум божественный есть абсолютная сущность (entitas), тогда мышление у него есть творение существующего; а для нашего ума мыслить — значит существующему уподобляться. То, что подобает божественному уму как бесконечной истине, нашему уму подобает как его близкому образу. И если все существует в божественном уме как в своей точной и подлинной истине, то в нашем уме все существует как в образе или подобии подлинной истины, то есть в виде понятий; ведь познание происходит путем уподобления” [4, с. 396–397]. Человеческий разум, считал Николай Кузанский, мыслит сущность (Бога), измеряет вещи, создает понятия, “концепирует” (творит концепции), понимает мир. “Можно сказать и так, что ум мыслит потому, что находится в движении, — говорил мыслитель, — причем началом движения является впечатление, а его завершением — понимание” [4, с. 415].

Взаимодействие рассудка и разума в мышлении, согласно Кузанцу, осуществляется таким образом, что они друг друга дополняют, однако же все это происходит под эгидой разума. Рассудок, хотя и дает названия вещам, а также организует впечатления, без ума слеп. Он умозаключает, рассуждает, не зная, о чем. Ум же, совершенствуя эту функцию рассудка и оформляя понятием результаты его деятельности, знает, о чем тот рассуждает. И все же ум без рассудка ненадежен, ему не на что опираться, он легко заблуждается.

Эта линия изучения мышления как единства рассудка и разума от Кузанца через Ф.Бэкона, Р.Декарта, Б.Спинозу и других мыслителей Нового времени тянулась к И.Канту, Г.Гегелю и К.Марксу как гегельянцу, перешедшему с диалектико-идеалистических на диалектико-материалистические позиции в понимании сознания и мышления, а также отражаемого ими мира. В советское время проблему разумного и рассудочного мышления и познания анализировали философы П.Копнин [5, с. 122–130; 6], В.Библер [7, с. 88–137], Э.Ильенков [8, с. 26–55] и др. Рассудочное мышление изучал Ю.Милютин [9]. На Западе известна шотландская “философия здравого смысла” Т.Рида.

Что же касается социологии, то она, как относительно поздняя наука, весьма редко и неохотно обращалась к теме мышления, несмотря на то, что в

первой трети XX века К. Мангейм (“Идеология и утопия”, “Консервативное мышление” и др.) разработал социологическое понятие мышления, концепцию социологического метода изучения его, обозначил контуры социологии знания, которая, по его мнению, должна изучать мышление, предложил социологический анализ ряда видов мышления (консервативного, либерально-демократического, марксистского и др.). Правда, тормозило дело социологического изучения мышления то обстоятельство, что впоследствии развитие социологии знания реально пошло по пути изучения не столько мышления, сколько знания и познания, хотя Мангейм открыл и эту перспективу, благодаря чему могла бы возникнуть такая социологическая дисциплина, как социология мышления. Последняя так и не сформировалась в XX веке, а изучение мышления в целом не вышло за пределы социологии знания. И все же можно отметить факт некоторого пробуждения социологического интереса к мышлению в конце XX — начале XXI века, когда стали заметными интеллектуальные проблемы, связанные с модернизацией способа мышления в социологии, заменой его классических форм новейшими, в том числе и постмодернистскими системами умствования.

Пока объект социологических изысканий в этом плане точно не определен, но идет в общем поиск ответа на вопросы о том, что значит мыслить социологически, мыслим ли мы социологически, каковы пути формирования социологического мышления, каков его понятийно-категориальный инструмент и др. [10; 11; 12; 13; 14]. В литературе наблюдается путаница в понимании социального и социологического мышления, их чаще всего отождествляют, а если и различают, то преимущественно интуитивно. Не проводились в социологии, за редким исключением [15], исследования индивидуальных стилей мышления. Тем не менее имеющиеся разработки в области изучения мышления философией и социологией дают возможность научно подойти к определению интеллектуальной специфики социологического мышления и дифференцированно, с точки зрения единства рассудка и разума, представить его роль в исследовательско-познавательном процессе, в самом интеллекте социологии.

Социологическое мышление — это высший, отличающийся от других видов научного мышления способ абстрактно-теоретического освоения социальной реальности, который обеспечивает построение, понимание и объяснение общей картины социального мира. Он функционирует и реализуется через конкретные системы (модели) умственной деятельности социологов — стили (манеры) мышления (позитивистский, феноменологический, структурно-функционалистский, реляционный и т.д.). Стиль мышления — самостоятельная модель умственной деятельности, осуществляемой с помощью особого логико-когнитивного аппарата (понятийно-терминологической системы), отличающийся собственным диапазоном охвата определенных сторон социальной реальности, воплощаемой в соответствующих теоретических концептах знания и определяющей парадигмальные направления развития социологической науки [16; 17]. Некоторые вопросы соотношения стилей мышления, причем на их общественном фоне, анализировал еще К. Мангейм, но нас интересует иной аспект этой проблемы — соотношение рассудка и разума в каждом стиле социологического мышления, что мы можем затронуть здесь опять-таки лишь в самом общем виде.

Стиль мышления — устойчивая характеристика этого интеллектуального процесса, зависит она от многих детерминант, но прежде всего от соотношения рассудка и разума, интуиции и воображения. В социологии, которая разделяется на эмпирическую и теоретическую, соотношение рассудка и разума в ее интеллектуальной сфере таково, что первый превалирует в эмпирической, второй — в теоретической части. Задачи рассудка фундаментальные: базирование эмпирического исследования на “здравом уме” респондентов и социологов; операционализация ключевых понятий, обоснованных ранее разумом; разработка инструментария; организация полученной информации в удобные для интерпретации разумом формы; эмпирическое (статистическое, визуальное и т.п.) описание объектов. При этом рассудок считается с данными ощущений.

Для разума же данные ощущений не обязательны, как минимум, по двум причинам. Первая: в противовес рассудку он оперирует абстракциями неэмпирического происхождения (категориями), которые не операционализируются, хотя в конечном счете он не может не опираться на эмпирическую (фактологическую) базу и не полагаться ею. Вторая: рассудок, манипулируя полученной в исследовании информацией и оперируя понятиями эмпирического происхождения, описывает не социальную, а общественную реальность, которая по отношению к первой, латентной по природе, отличается иными свойствами, не сводимыми к свойствам социальной реальности. Поэтому разум социолога, интерпретирующего подготовленную его рассудком эмпирическую информацию, которая описывает объект общественной реальности, должен так трансформировать рассудочное знание о нем, чтобы оно стало знанием о социальной реальности, проявившейся через исследуемый объект общественной реальности. Подобного рода трансформацию интерпретируемого знания невозможно осуществить без абстракций более высокого порядка, действительно неэмпирического происхождения, но выполняющих в социологическом познании роль “идеальных типов” (категорий). Как раз категории социологии, схватывая сущность социальной реальности, открывают простор трансформации знания об общественной реальности в знание реальности социальной.

Следовательно, такая сложная “кухня” познания в социологии требует динамического единства рассудка и разума, дополняющих друг друга. Ни первый, ни второй в отрыве друг от друга не могут быть самостоятельными и самодостаточными. Интеллектуальная ограниченность рассудка, раскладывающего все по “полочкам”, преодолевается разумом, безумство которого, в свою очередь, ограничивается и останавливается рассудком. Дело в том, что сам по себе разум не имеет в себе норм рациональности точно так же, как рассудок — новых идей, поскольку он не создает понятий, а только представления. Без рассудка как своей базовой интеллектуальной основы он утрачивает разумность, становится иррациональным, отрываясь от реальности и уходя в фантазии, грезы, мифы, утопии.

Главные задачи социологического разума творческие: продуцирование знаний о социальной реальности путем интерпретации и трансформации рассудочной информации (знаний) об объектах общественной реальности; обоснование способов и канонов понимания социальной реальности; теоретизирование как конструирование различного рода концептов (понятий, концепций, теорий, учений и пр.); генерирование новых идей, выводящих

познавательный процесс за пределы устоявшихся схем мышления и систем знания.

Рассудок и разум неразрывно связаны с интуицией и воображением, составляя вместе с ними основные структурные элементы научного интеллекта социологии. Речь идет не о чувственной, а прежде всего об интеллектуальной (рациональной) интуиции, которая, “вспыхивая” в голове социолога, дает импульс его творческому мышлению. Последнее, получив, так сказать, толчок, порцию энергии, нуждается в интеллектуальном пространстве для своего развертывания. Это пространство, если исходить из идей Ч.Миллса [18], открывает мышлению творческое воображение социолога. По-видимому, так можно функционально представить взаимодействие рассудка, разума, интуиции и воображения в индивидуальном интеллекте.

Но каждый социолог является носителем, наряду с усвоенным общим, персонифицированного знания, полученного вследствие участия его в исследованиях, познании. Это — новое знание, хотя бы даже и небольшая крупица. Чтобы не остаться знанием только данного социолога, оно должно быть не только сообщено другим, но и деперсонифицировано. Тут и вступают в действие механизмы коллективного интеллекта сообщества социологов, могущие обеспечить его дальнейшую судьбу: знание принимается, становится знанием всех; либо не принимается, следовательно, отвергается как знание; либо оно ни принимается, ни отвергается, в силу того что его замалчивают или же не знают, что с ним делать, так как не смогли его понять. Какой из данных вариантов будет иметь место — это зависит прежде всего от самого знания: отвечает ли оно, например, критерию общезначимости, чтобы претендовать на статус общего достояния. Подобного рода критерии устанавливают уровень важности знания, необходимость его популяризации и осознания через дискурсивные институты совокупного интеллекта (конференции, “круглые столы”, дискуссии, журналы и т.п.).

Совокупный интеллект — особое духовное образование, функционирующее преимущественно по принципам здравого смысла, поднявшегося на научно-теоретический уровень и облекшегося в форму устоявшихся научных представлений, которые воспринимаются многими едва ли не как аксиомы. Имеется в этом интеллекте и компонент от классики. В свое время мышление классиков выступало в виде разума, порождавшего идеи, но, воплотившись в различные концепты, оно застыло в них, превратившись в эталоны социологического здравого смысла. Теперь без апелляции к этим эталонам трудно оценивать интеллектуальные новации в социологии, определять степень социологичности ее новейших концепций.

Как некая целостность совокупный интеллект социологического сообщества мозаичен, поскольку в субъектном отношении он структурирован и распределен между группами социологов, среди которых есть ведущие, авторитетные и ведомые, менее авторитетные, наконец, совсем периферийные. Во всемирном социологическом сообществе структурирование совокупного интеллекта осуществляется по линии концентрации социологической мысли: центр — периферия. Как показал XVI Всемирный социологический конгресс (лето 2006 года, г. Дурбан, ЮАР), мировой интеллектуальный центр по-прежнему удерживают за собой американская и западноевропейская социологии, хотя пробивает себе дорогу и явная тенденция интеллектуальной полицентричности планетарной социологии. Например,

ускоренно институционализируются как самостоятельные центры социологической мысли австралийская, индийская и бразильская социологии. По этому же пути идут африканская и российская социологии, набирающие интеллектуальной мощи и готовые представить на мировой социологический рынок свои уникальные инновационные достижения [19, с. 37].

Мировое сообщество социологов интернационально, потому его совокупный интеллект имеет еще одну общую линию распределения — по национальным сообществам и социологиям, привносящим в мировую социологическую науку национальный колорит (менталитет) интеллектуальной мысли. Далее совокупный интеллект распределяется исследовательскими центрами (институтами, фирмами, консорциумами и т. п.), каждому из которых присущ свой научный интеллект, позволяющий решать исследовательские задачи определенного типа и на определенном научном уровне.

Итак, в структурно-функциональном и содержательном плане мы можем говорить о научном интеллекте социологии как единстве разумного и рассудочного мышления, интуиции и воображения, проявляющемся на двух уровнях — индивидуальном (индивидуальный интеллект) и коллективном (совокупный интеллект). Понятно, что научным он стал не сразу, пройдя в своем становлении три стадии — донаучную, переходную и научную. И это означает, что как индивидуальная, так и совокупностная его форма в такой же мере конкретно-историчны, в какой конкретно-историчным является сам социолог как исследователь и мыслитель. Но понятно и то, что ядром социологического интеллекта выступает мышление, задействованное сегодня по крайней мере в четырех разновидностях: социального, социологического, естественнонаучного и обыденного мышления. Социальное мышление — реликтовое, социологическое — профессиональное, естественнонаучное — проникающее, обыденное — исходное, базовое.

О социальном и социологическом мышлении речь пойдет ниже. Что же касается естественнонаучного мышления, то оно в разных своих формах все чаще вторгается в социологию на волне ее трансдисциплинарных взаимодействий и создает в ее интеллекте гибридные структуры знаний, мыслительные комплексы, грозящие изменить не только дисциплинарные границы социологии, но и менталитет ее как особой неклассической науки. Конечно же, это мышление не становится социологическим, но оно влияет на социологическую рефлексивность и саморефлексию, постепенно превращая социологию в транзитивную дисциплину, покоящуюся на гигантских когнитивных образованиях — “динозаврах” (типа “социокосмономика”, “системосоциогенетика”, “социокибернетика”, “социосинергетика” и др.). Поскольку вопрос о роли и статусе естественнонаучного мышления в социологии — особый и требует специального анализа, мы его здесь опускаем. Представляется целесообразным рассмотреть соотношение в научном интеллекте социологии социального и социологического мышления. Действительно ли это разные способы умствования социолога или же это один и тот же способ, но в разных вариантах его применения?

Социальное и социологическое мышление

Мышление — особый процесс духовно-интеллектуальной деятельности человека, который выработан людьми совместно, коллективно. Он вы-

ступает не только как процесс отражения внешнего мира, создания его абстрактных образов, но и думания, производства дум, мыслей. Учитывая общественную природу мышления, иногда отрицают целесообразность выделения социального мышления в особый разряд, видя в попытке этого выделения сплошную тавтологию. Мол, человек — социален, его ум — социален, объект ума — социальная реальность — одной и той же природы. А тут еще социальное мышление, социальное познание, социальное знание... Не чересчур ли?

Ответ на этот вопрос дан еще классической социологией. Как известно, к выводу о том, что социальное может быть познано и объяснено только социальным, пришел Э.Дюркгейм. Тем самым он окончательно утвердил в формирующемся интеллекте социологии идею социального (в том числе и социального познания) и поставил препопу редукционизму, сводящему сущность социального к явлениям иной природы. Вторая фундаментальная для социологии идея — идея “науки о духе” (идея культуры, ценностей) была утверждена по линии неокантианства — Вебером. Она тоже вскрывала своеобразие социального познания, а потому и социологии. Ведь дух, как и социальное, не может быть напрямую исследован методами классической науки. Поэтому из этих идей вытекала необходимость обоснования социологии как науки о социальном и духе, без чего она оставалась бы трудно понимаемой и трудно принимаемой наукой. Обосновать же социологию было возможно двумя путями: либо с позиции более общей дисциплины (философии, располагавшей долгое время нерасчлененным социальным мышлением), либо усилиями ее (социологии) собственного мышления, которое еще только формировалось. Нечего и говорить о том, что социология нуждалась в собственном профессиональном мышлении, а в целом — в своем интеллекте.

Он возникал в лоне социального мышления, охватывавшего в качестве своего объекта человека, его мир, деятельность и ее продукты. В истории социальное мышление “захватывали” мифология, религия, философия, пока в конце концов оно не стало социально-философским (или же протосоциологическим) мышлением, философским разумом, познающим мир умозрительно. В нерасчлененной форме философский разум просуществовал до момента появления научного сознания и разума, который стал расчленять социально-философское мышление на базе новой идеи — идеи научного исследования общественных процессов и явлений, получения точного конкретного знания о них. Так в формирующуюся социологию вошла третья фундаментальная идея — научного эмпирического исследования.

Таким образом, в своем становлении социология “держалась” на трех главных идеях — идее социального, идее духа-культуры, идее научного эмпирического исследования, каждая из которых формировала свои умственные установки, свою интеллектуальную ментальность, свою манеру мышления. Соединение и развитие всего этого воплотилось в общий результат — интеллект социологии, который, освободившись от своего протоформата, стал научным и профессиональным, когда социология полностью освоила научные методы эмпирического исследования объектов общественной реальности и научилась на основе полученной информации о них объяснять социальную реальность. Правда, следует заметить, что социология долгое время несла в себе протосоциологическую манеру мышления, ведь не толь-

ко первосоциологи, но и многие социологи второго, даже третьего поколения — это социологи протосоциологического (социально-философского) плана, склонные больше к теоретическому социальному мышлению, умозрительному познанию. Очевидно, вовсе не безосновательно Г.Зиммель и Ф.Теннис выделяли в структуре социологической науки, например, философскую социологию. Но все стало на свои места с появлением определенной гармонии между теоретической и эмпирической социологией, что засвидетельствовало соединение в интеллекте социологии разумного и рассудочного мышления, а также разграничение между социальным и социологическим мышлением.

Эти две разновидности мышления — одного корня. У них один и тот же предмет — социальная реальность, один и тот же исток — социальная жизнь (а не какая-либо иная) и ее абстрактное отражение. Но они и существенно отличаются друг от друга. Социальное мышление исторически первично. Оно является одним из способов универсального мышления человечества (наряду с художественным, философским, естественнонаучным, экономическим, политическим, техническим и др.). Формируясь и развиваясь вместе с языком, это мышление создало свой категориальный строй на базе самых широких, общих понятий неэмпирического происхождения. Оперирование такого рода понятиями обрекает на сугубо умозрительный уровень познания, однако это же способствует раскрытию сущности социальных явлений и процессов.

Социологическое мышление исторически вышло из социального, в частности из его философского варианта, и в этом отношении можно усматривать связь между ними как между целым и частью, но основные качественные различия между ними состоят в следующем. Социальное мышление — это мышление широких диапазонов охвата реальности и обобщений, и социология пользуется им с целью таких обобщений на высоких социетальных уровнях теоретизирования. Поскольку социальное мышление универсально, то оно может функционировать как в науке, так и в обыденной жизни, где люди овладевают и владеют этим мышлением часто стихийно. Социальное мышление подразделяется на досоциологическое и послесоциологическое. Социологическое же мышление — научное и профессиональное мышление, приобретаемое специальной учебой, поэтому стихийно овладеть им весьма сложно, если не сказать больше — невозможно. Его прямые истоки — в научном сознании и мировоззрении. Оно тоже выработало свой категориальный строй, однако на базе понятий иного рода — собирательных. Диапазон абстрактного охвата исследуемой реальности у него значительно уже, чем у социального мышления, но это диапазон, который дополняет и детализирует то, чего не схватывает социальное мышление. Наконец, социологическое мышление представляет собой единство исследовательской и познавательной умственной деятельности, поэтому оно располагает несколькими иными технологиями духовного освоения социальной реальности.

Как же произошло разделение этих двух видов мышления? Схематично этот процесс может быть представлен с учетом ряда моментов.

1. На рубеже XVIII–XIX столетий произошла смена систем базовых понятий как интеллектуальных средств мышления в области социального познания. Так называемые качественные, обобщающие понятия социального мышления типа “человек”, “природа”, “семья”, “красота” и т. п., сформиро-

вавшиеся на почве натурализма обывденной жизни и коллективного понимания ее людьми, обнаружили свою гносеологическую недостаточность. Дело в том, что вследствие бурного развития науки в XVII–XVIII веках в сферу социального мышления и познания ворвался иного рода эмпиризм — научный, который, выдвинув вперед статистику массовых явлений и лабораторные исследования индивидуальных явлений и процессов, обусловил формирование новых базовых понятий эмпирического происхождения и собирательного типа (класс, группа, население, слой, пролетариат и т. д.), опирающихся на общую категорию “множество” (“массовость”). Этот способ формирования новых понятий, которые могли подлежать различным процедурам операционализации, был подхвачен социальными мыслителями, исследователями, формировавшимися как первосоциологи. Конечно, и система прежних понятий не была ими отброшена, и в единстве с новыми она породила раннесоциологическую (в границах социально-философского интеллекта) научную ментальность в виде позитивизма. Приобретая способность такого мышления, первосоциологи одновременно искали объект и предмет его приращения как онтологические атрибуты новой науки, которая должна была отсечь и преобразовать определенную часть познавательного поля социальной философии.

2. Новый эмпиризм в сегменте сферы социального познания, отсекаемым формирующейся социологией, обусловил раздвоение позитивизма на теоретический и эмпирический, что означало такое же разделение данного типа мышления на разумное и рассудочное. Но для дальнейшего развития социологии одного позитивизма явно не хватало, поскольку эта познавательная технология не раскрывает сущность социального. Дело в том, что позитивизм полагает рассматривать социальный факт как “вещь”, то есть извне и объективно, независимо от субъекта действия и познания. Такое требование вполне оправданно для познания объекта, ставшего проявлением “социального факта”, но не для познания самого этого факта, природа которого познается “изнутри”, для чего позитивистское (будь-то разумное или эмпирическое, рассудочное) мышление малоприспособно. Возникал гносеологический заказ на новые познавательные технологии, новые модели социологии, опирающиеся на понятия неэмпирического происхождения, к тому же социально окрашенные, потому что они должны были выражать природу того духа — культуры, с позиции которой только и можно понять и раскрыть уникальную специфику “социального факта”. Так появлялись новые разновидности социологического мышления (феноменологическое, структуралистское, функционалистское и т. д.), пополнявшие интеллект социологии, который постепенно становился все более целостным, гармоничным и монолитным.

3. Формирование социологического мышления было обусловлено также приобретением социологией собственного познавательного, исследовательского и проблемного полей. Познавательное поле социологии — это все то в социальной реальности, на что направлен и что охватывает ее познавательный интерес. Естественно, познавательное поле в общем охватывает в целом объект социологии. Исследовательское поле — часть познавательного поля, определяющаяся исследовательским интересом. Оно охватывает предметную область социологии. В исследовательском поле возникают

проблемные ситуации, которые в фиксированном и связанном виде образуют проблемное поле.

Что же произошло в соотношении этих полей на заре возникновения социологии? Если познавательное поле досоциологического социального мышления охватывало все общество (социальное и общественное отождествлялись, кстати, это же делал и философско-социологический позитивизм), то подобное же поле социологического мышления резко “свернулось”, охватив лишь социальную реальность общества, которую можно познавать только умозрительно, с помощью понятий неэмпирического происхождения. Эмпирического исследовательского поля досоциологическое социальное мышление до появления конкретных социальных наук, конечно же, вообще не имело. Социологическое же исследовательское поле включило в себя объекты общественной реальности, через которые проявляются социальные явления и процессы и которые подлежат прямому эмпирическому исследованию. В результате проблемное поле социологии стало дуальным, распространившимся на две реальности — общественную и социальную. Что же касается самих проблем как отражения проблемных ситуаций в головах социологов, то социологическим мышлением они уже не могли восприниматься так непосредственно, как в случае предшествующего социального мышления — через обыденное осознание. Теперь эти проблемы должны были получать научное осознание и выражение.

4. Идея “науки о духе”, о ценностном аспекте социального требовала вычленения в познании значимостного элемента социального объекта, ставя особую познавательную задачу перед формирующейся социологией — развивать свою оценочную способность и ментальность. Так возникала модель ценностно-идеологического наукообразного мышления в социологии, оперирующего понятиями в метафорической форме (понятиями-метафорами, идеологемами, мифологемами и пр.). Оно тоже пополнило ее интеллект.

5. По ходу практического применения социологии сформировалось прикладное (социотехнологическое и социоинженерное) мышление, способное проектировать (социальное проектирование), вырабатывать технологии и инженерии по преобразованию социальной реальности.

По-видимому, в полном своем объеме социологическое мышление оформилось к концу XIX — началу XX века, когда, с одной стороны, оно овладело соответствующим множеством понятий (качественных, количественных, эмпирических, теоретических, прикладных, научных, обыденных и т. п.), а также разного рода научными метафорами, а с другой стороны, в нем устоялись уровни умственной деятельности: рассудочный (эмпирический), разумный (теоретический) и прикладной. Стало очевидным, что социология приобрела научный способ мышления, не отказавшись и от философской манеры умствования, используя ее на самых верхних этажах теоретизирования.

Итак, можно констатировать, что социологическое мышление есть продукт взаимодействия социально-философского и конкретнонаучного разума в истории познания. Генетически оно есть часть и первого, и второго, но качественно преобразованная часть, способная: 1) оперировать широчайшим арсеналом многообразных понятий; 2) соединять научный и ценностно-идеологический (наукообразный) аспекты понимания и объяснения социальных реалий; 3) функционировать на трех уровнях — эмпириче-

ском, прикладном, теоретическом; 4) заключать в себе множество видов и подвидов умственной деятельности (стилей мышления); 5) строить обобщенную либо мозаичную картину социального мира и раскрывать сущность социального; 6) вырабатываться через систему образования и соответствующей профессиональной деятельности; 7) выступать центральным ядром научного интеллекта социологии; 8) соединять воедино познавательный и исследовательский интерес, изучение общественной и социальной реальности.

Метаморфозы научного интеллекта социологии

Как ни странно на первый взгляд, но метаморфозы научного интеллекта социологии начались еще в ранний период его формирования, поскольку он включал и ненаучные виды мышления, среди которых от одних ему предстояло избавиться, а другие — приобрести. Что же касается научных моделей социальной мысли, то в социологии долгое время не было точных критериев их социологичности. Тут надо вспомнить, что в протосоциологическом познании XVII–XVIII веков было настолько могущественным влияние религиозных воззрений на понимание учеными человека и его мира, что многим из них не было до конца ясно, смогут ли рождающиеся социальные науки создать вполне нерелигиозную концепцию человека и его жизненной среды. Даже в 30–40-е годы XIX века, когда О.Конт разрабатывал свою систему позитивизма, он по аналогии мыслил его в качестве своеобразной религии, а социолога — как особого священника. Короче говоря, первые деформации, возмущения вносились в формирующийся социологический интеллект ненаучными видами мышления, в особенности рутинными (религиозными и обыденными). Однако затрагивали они не только мышление, но и воображение. Последнее, чтобы набираться социологических кондиций, тоже должно было освободиться от налета рутины, открывая новые интеллектуальные пространства для проникновения в них социологического разума.

В эпоху классической социологии к социологическому мышлению, как и к любому другому виду научного мышления, предъявлялись главным образом такие требования: рационализм, профессионализм, динамизм, системность, объективность. Это требования так называемого “законодательного разума” (З.Бауман), идущего от материалистической философии и классической науки, а потому способного устанавливать общие правила для познающего мышления. Подчиняясь этим правилам, социологическое мышление было “обязано” давать разумные профессиональные ответы на актуальные вопросы науки и практики, адекватно отражать реальность, не отставать от динамики ее изменений, быть связным и строить системно организованное знание.

“Законодательный разум” опирался на множество гносеологических принципов, среди которых особо выделялись принципы эмпиризма и отражения (рефлексии). Первый устанавливал начало познания от фактов объективной действительности, второй — требовал их отражения, без чего знание утрачивает смысл и собственное бытие (раз не отражает, то не может быть знанием). Но с появлением интерпретативной социологии, особенно ее постмодернистских вариантов, эпоха “законодательного разума” закончилась, точнее, утратила гносеологический монополизм, и социология

сдвинулась “по фазе”, поменяв эпистемологические акценты. Теперь на первое место выдвинулся интерпретативный принцип конструирования и конституирования знания, и социология вынуждена была “идти” к социальной реальности с искусственной реальностью, то есть сконструированным вольным разумом социолога знанием о ней, отождествляемым с самой реальностью. Возникла мода на “отказ от реальности”, крупных нарративов, обобщений, а в пространство традиционного умозрения социологии воцарился плюралистический хаос, освобожденный от прежних гносеологических “законодательств”. Каждый познавательный-исследовательский подход в социологии стал признаваться равновеликим и равнозначным другим, к тому же не подлежащим критике. Идея развития социологии, да еще в каком-то главном направлении, едва ли не сошла на нет. Ее место заняла идея простого изменения социологии, причем по всем мультипарадигмальным радиусам. Но социология раскололась и уже по этой причине не может ни развиваться, ни изменяться по всем диагоналям. Новейшая ее часть вошла в противостояние с классической частью, а объединяющей их идеи, концепции или методологии не предложено. Немало социологов заявили о кризисе социологии, утрате ею системности, а кое-кто, как например, А.Гоулднер [20], уловил еще в начале второй половины прошлого века момент наступления кризиса, главными причинами которого, по Гоулднеру, были отчуждение социологии, особенно позитивистской, от общества, отсутствие единого стержня развития этой науки, невозможность создать единые рациональные основания социологического знания и др.

Многим стало ясно, что надвигается эпоха “гносеологического нигилизма”, когда оппозиция субъект–объект должна быть задвинута в глухой угол, ибо новейшие социологи ставят задачу (кстати, утопическую) преодоления субъект-объектного дуализма. Они увидели источник знаний не в субъект-объектном взаимодействии, а исключительно в произвольной конструктивно-интерпретативной способности разума, в его интеллектуальных импровизациях, во всепроникающем дискурсе, конкретных социальных практиках “рефлексивных агентов”, знаковых отношениях языка, культурных символов и т. п. Эти новые эпистемологические способы видения стали одновременно вызовами и тупиками постмодернизма и постструктурализма. Вызовами — потому что “новая социология” ощутимо изменила картину социального мира, найдя в нем то, что не замечала или мимо чего проходила прежняя социология (“гиперреальность”, “симулякры”, “виртуальность”, “аутопойезис”, “флюидность”, “разрывы”, “риски”, “стертое бытие” и т. д., и т. п.), ввела совершенно неожиданные формы научной ментальности и парадигмы рациональности, в погоне за оригинальностью мысли и интерпретации развила воображение и методы мышления (реляционный, дискурсный, символистский). Короче говоря, постмодернистские социологи заставили социологический мир активно реагировать на их новации, осваивать их и не почитать на достигнутом.

Постмодернистские же тупики тоже весьма серьезные. Они объясняются полуиррационалистической методологией данной парадигмы, сводящей социальную реальность, по сути, к символу и знаку либо придуманным структурам (в виде, например, социальных “полей”, социальных “практик” и т. п.), а познающую способность человека — к внутренней саморефлексии. Беда постмодернизма и в том, что он не имеет в себе самом критериев социоло-

логичности. Даже в его названии не соблюдена историческая логика социологии. В самом деле, название “постмодернистская социология” логически предполагает наличие у данной социологии предшественницы — модернистской социологии, которая, в свою очередь, тоже должна была иметь свою “праматерь” — домодернистскую социологию. Но где она? История социологии такой модели социологии не знает. Но если не было домодернистской социологии, то не могло быть социологии модернистской, а затем и постмодернистской. Словом, название “постмодернистская социология” — мифологично. Не потому ли постмодернистская социология так неоднозначно воспринимается: одни социологи считают ее вполне социологичной, другие — соглашаются помещать ее где-то в пограничных областях социологии, третьи — выносят ее за скобки социологии. Да и тяга появилась ко второму “пост-” (постпостмодернизму) как возврату назад — к отражательной социологии.

Таким образом, социологи, пытающиеся преодолеть субъект-объектный дуализм (что в принципе непреодолимо), настолько сдвигают познавательный процесс в социологии, что он в определенных точках достигает тупиковых границ и вызывает серьезные сомнения. Но это не значит, что интеллект социологии, заключив в себя тупиковые лабиринты постмодернистской ментальности, снизил уровень научности. Напротив, он получил развитие, еще раз подчеркнем, по линии воображения и мышления.

В заключение несколько общих штрихов к портрету интеллекта украинской социологии. По сравнению с умственным потенциалом авторитетных социологий, это еще ученический интеллект со слабо развитым воображением и разумным мышлением. Держится он в основном на рассудочном эмпирическом мышлении и теоретических заимствованиях у западноевропейской и американской социологии. Видать, он не вносит еще украинскую ментальность в мировую социологию, которая вряд ли ощущает какое-либо его влияние, хотя, несомненно, этот процесс уже начался (публикации в иностранных изданиях, участие украинских социологов в международных конференциях, подключение их к проведению совместных с зарубежными социологами исследований и др.).

Следует отметить и такую деталь. В идеологическом отношении массовый социолог в Украине — это либерал. Как показывает история общественных и социальных наук, ученый-либерал никогда не был мировоззренчески устойчив, он легко поддавался всевозможным научным и ненаучным веяниям. Поэтому становится возможным проникновение через сознание либерала в научный интеллект нашей социологии религиозной ментальности, возникновение ситуации по типу французской католической социологии либо дореволюционной российской христианской социологии, тем более, что в Украине уже положено начало созданию теологических факультетов, где начинают подготовку и религиозных социологов. В газете “2000” прошла дискуссия между представителями принципа креационизма и принципа эволюционизма. Затевая ее, “креационисты” попытались реанимировать, по сути, средневековое сознание и мировоззрение, обосновать правомерность внесения его в науку. Атака оказалась отбитой, но вряд ли на этом остановится наступление религии на науку, в том числе и социологическую.

Таким образом, научный интеллект — это важнейшая атрибутивная характеристика социологии, обеспечившая возвышение ее на уровень рацио-

нальной науки, хотя и неклассической, и гарантирующая ей пребывание в таком собственно качестве.

Литература

1. *Плахов В.Д.* Западная социология XIX–XX вв.: от классики до постнеклассической науки. — СПб., 2006.
2. *Зубов В.П.* Аристотель. — М., 1963.
3. *Розин В.* Методология: становление и современное состояние: Учебное пособие. — М., 2005.
4. *Николай Кузанский.* Соч. : В 2-х т. — М., 1979. — Т. 1.
5. *Копнин П.В.* Диалектика как логика и теория познания. — М., 1973.
6. *Копнин П.В.* Рассудок и разум и их функции в познании // Вопросы философии. — 1963. — № 4. — С. 64–75.
7. *Библер В.С.* Мышление как творчество. — М., 1973.
8. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. — М., 1984.
9. *Милотин Ю.Е.* К понятию “здравый смысл” // Вопросы философии и социологии. — Л., 1973. — Вып. 5. — С. 27–32.
10. *Бауман З.* Мыслить социологически: Учебное пособие. — М., 1996.
11. *Мнацаканян М.О.* Мыслим ли мы социологически? // Социологические исследования. — 2003. — № 6. — С. 73–77.
12. *Бороноев А.О.* Социологическое мышление: пути и трудности формирования // Социологические исследования. — 1999. — №1. — С. 6–13.
13. *Кравченко Е.И.* О бремени и соблазнах социологического мышления // Социологические исследования. — 1996. — № 8. — С.102–110.
14. *Ольховиков К.М., Орлов Г.П.* Категории социологии: образ мышления и словарь исследования // Социологические исследования. — 2004. — № 2 (238). — С. 3–12.
15. *Ландман М.* Георг Зиммель: Контуры его мышления // Зиммель Георг. Избранное. — М., 1996. — Т. 2. — С. 529–538.
16. *Веденов М.Ф., Сачков Ю.В.* Проблема стилей мышления в естествознании. — М., 1971.
17. *Новик И.Б.* Вопросы стиля мышления в естествознании. — М., 1975.
18. *Миллс Ч.* Социологическое воображение. — М., 1998.
19. *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. — М., 2007.
20. *Голднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. — СПб., 2003.